

К 70-летию Расула Гамзатова

Он знает: правда многолика

Верно замечено народом: одно дерево — не лес. Но зато оно заметно, подобно тому, как далеко виден одинокий всадник на степной дороге. Может, для большей убедительности уместно вспомнить здесь и Белинского, заметившего в свое время: «...первые действователи на поприще литературы никогда не забываются, ибо, талантливые или бездарные, они в обоих случаях лица исторические».

Расул Гамзатов — не единственное дерево, не одинокий всадник и «не первый действователь» на ниве многоязычной дагестанской литературы. Он — не зачинатель, и потому на его долю выпала нелегкая судьба продолжателя и реформатора вековых традиций поэтической культуры горцев, сформированной, отшлифованной Махмудом и Шаза, Сулейманом Стальским, при жизни названным «Гомером XX века», и родным отцом Гамзатов Цадасой...

Расул Гамзатов в литературу пришел в начале 50-х годов, пройдя и «университеты горской жизни» и окончив Литературный институт в Москве.

Глубокое знание родного фольклора и знакомство через знавшего арабский язык отца с эстетическими сокровищами Востока помогли ему через русский язык, через русских друзей постичь Пушкина и Чехова, современную мировую культуру. Это не только раздвинуло горизонты его творческих возможностей, но и воспитало ответственность, обострило чувство ответственности. На одном из писательских форумов Гамзатов так и сказал: не знаю, к радости или печали, но что-то уж очень много становится у нас пишущих. Запретить это никто не собирается, но хотелось напомнить лишь о том, что не все ашуги — Сулейманы, не все слепые — Гомеры, не все глухие — Ветховены, не все хромые — Хаджи-Мураты. Кстати, и к себе Расул Гамзатов немалосерден. К моему имени добавлял разные эпитеты — часто хвалебные, писал он, но меня волнует другое: если к прекрасной аварской поэзии я прибавил хотя бы три камушка, если в моих стихах есть столько огня, чтобы прикурить хотя бы три папиросы, то считал бы себя счастливым человеком. И это — не кокетство, а зрелое понимание своей миссии.

Он — автор таких высокохудожественных и общепризнанных поэм, как «Горянка», «Веточка из аула», «Звезды Дагестана», «Целую женские руки», «Колокол Хиросимы», «Колесо жизни», «Последняя цена», «Остров женщины», таких стихов, как «Журавли», «Таинственность», «Берегите друзей», венков сонетов и элегий, восьмистиший и четверостиший, энциклопедической по содержанию и новаторской прозаической книги «Мой

Дагестан». Наиболее полно отражает его масштабность собрание сочинений на родном аварском и русском языках. Поэт, переведенный более чем на 70 иностранных языков, в кругу друзей недавно признался: «Может, это и есть моя лучшая книжка». А речь шла о тоненьком сборнике стихотворений и поэм, изданном «Молодой гвардией» в 1991 г. в серии «XX век: поэт и время». Я, конечно же, не думаю, что в этом предположении поэт абсолютно прав, но он вправе быть судьей самому себе, предпочесть сомнение самомнению.

КЕМ-ТО УЖЕ СКАЗАНО: легче писать о другом, чем писать по-другому. В том-то и привлекательность творчества Гамзатова, что он самобытен, потому в пределах извданного открывал и открывает неизведанное.

Самое первое его стихотворение было посвящено посадке самолета в 1934 году в родном ауле Цада, затем, по собственному признанию поэта, он «стал писать о своей школе, о товарищах, об учителях». Запомнились поэмы «Год моего рождения», «Горцы у Ленина», посвященные роли Октября в исторических судьбах горцев, «Сыны Краснодона», «Солдаты России», воспевшие героизм советских людей в схватке с фашизмом, циклы стихов об Азербайджане, Грузии и т.д., в которых звучит гимн нерушимому союзу братских народов... То есть Расул Гамзатов как бы шел вместе со всеми по «столбовой дорожке», однако подмечал в пути то, чего не замечали другие, находил такие образы и такую тональность, что невозможно было спутать его голос с голосами других.

И не его, Гамзатова, вина в том, что так окрылявшие всех нас идеалы сегодня оказались поруганными. Чисто человеческое, да и профессиональное утешение в том, что написанное в те годы было плодом искренних сердечных порывов, результатом глубокой веры и убеждений, и художественная ценность тех произведений не может быть принижена ветрами политической конъюнктуры.

Имена крупных личностей, как правило, обрастают и добрыми легендами, и обывательской шелухой. По-разному думают, разное говорят, лукаво пишут и о

Гамзатове, искажая истинный облик. Не в качестве обиды, а к слову вспомнил, что несколько лет назад, предворяя интервью с поэтом, корреспондент «Огонька» дал портрет такого Гамзатова: философ. Балагур-рассказчик. Дипломат. Хитроуш — удачливый, везучий. Обласканный Сталиным. Народный поэт Дагестана. Лауреат Государственной, Ленинской и международных премий. Депутат Верховного Совета СССР. Герой Социалистического Труда. При Хрущеве жил неплохо, а пик славы пришелся на брежневские времена и т.д.

Да, Расул Гамзатов — не оппозиционер, не диссидент, не претендует на роль «отца демократии» или лидера нации. Он искренне разделял парады и поражения, потрясения и взлеты страны, восторгался успехами и горько переживал за ее неудачи. Он исходит из того, что могут быть неудачные правители, но не бывает плохой Родины и поносить Отчизну в угоду кому-то — не доблесть, а моральное падение, точнее — предательство.

При этом Гамзатов не считает свой творческий путь безупречным. В его устах нет-нет, да и слышны нотки самоиронии и недоверия: бывало, стоял с «дежурной едой» у календаря, не написал того, что мог бы написать, и писал то, о чем мог бы умолчать. Не скрывает поэт: «...и времени лежит на мне мучительная тень». Вот где истоки и мотивы сегодняшнего душевного смятения: «Я сам с собой дерусь я на дуэли...», «и слезы лью, и веселюсь, пируя, и сам себя победно в плен беру я...».

КОГДА ДУМАЮ о судьбе и творчестве Расула Гамзатова, мне с годами все чаще приходит на память скакун из его стихотворения, который «на дыбы не поднимался и не грыз от нетерпения удила» и «только белозубо улыбался и голову тяжелую клонил». При пристальном, сочувственном взгляде обнаружилось, что «не смеется конь, а плачет, по-человечьи голову клоня». Да, люди привыкли видеть горе, печаль и сострадать лишь тогда, когда слышат рыдание или стон, а поэт заметил, как в конских глазах продолговатых «две слезы туманятся внутри». Может, и сам Гамзатов нуждается в непредвзятом отношении к себе?

Когда смеюсь, ты, милый мой, приблизься
И повнимательнее посмотри...

У поэта Гамзатова низкий «болевого порога» и отзывчивое сердце. В его душе уместается боль обиженного, обделенного, оскорбленного человека и тревога за планету, за ее покой и будущее. Вот почему он не приемлет тех, для которых шар земной — арбуз, чтобы разрезать на куски и кромсать зубами, или мяч для пинков. В восприятии Гамзатова шар земной — мир, состоящий из неразделимой совокупности человеческих судеб, живого, обреченного на страдания и испытания людского сообщества, и он нуждается в покровительстве и неизбывной заботе.

Сейчас светает,
я лежу в больнице,
Я тяжело болен
вот уж много дней,
И мир огромный,
что во мне таится,
Лежит со мною:
он меня больней.

Больной мир... Разве подлинный поэт может жить в состоянии беспробудного оптимизма, неизбывной радости, когда вокруг выстрелы, стоны, слезы, голод и нищета?

Болезни излечимы, как бы думает поэт, но земля страдает трагическим недугом — она еще и слепа: «Дай скорее руку. Пойдем со мною. Ты прозреть должна».

Ученых мужей заботит то, что с годами убывают воды Каспия, а Гамзатова беспокоит не только это, но и нечто большее — процесс мельчания человеческих душ.

Через все его творчество проходит мотив родного аварского очага и пашни, но и здесь свой, гамзатовский, срез мысли, навеянный какой-то светлой, умиротворенной печалью: «На полях созреет урожай. Мы хлеба под корень подрезаем». Надо бы радоваться, но знает поэт, что

И самих жнецов,
и плугарей,
Как хлеба, срезает...
наша неустроенная жизнь.

Мироощущению Гамзатова чужды прямолинейность, одноплановость восприятия и осмысления действительности: он знает, что правда многолика, в ней нередко примирено непримиримое и чуть ли не нормой ста-

ли переплетенность и взаимозависимость противоположностей. Сознание этого, может, и порождает ощущение зыбкости бытия и вынужденной раздвоенности?

О ты, моя комедия,
что плачешь?
Смеешься что, трагедия моя?

И нередко поэт бывает похож на больного ребенка, который «не в силах промолвить слово или знак подать». А ведь еще острее боль, когда тебя не слышат, а услышав, подают знак молчать. С Гамзатовым бывало и такое. Можно и заострить: «даже с Гамзатовым...» Вот уже четвертое десятилетие в столе у автора и режиссеров лежит киносценарий о Хаджи-Мурате, не дошла в сохранности до читателя поэма «Шамиль», около тридцати лет в заточении, под домашним арестом, находились поэма «Люди и тени» и стихотворение «Аплодисменты».

Из мотивов высочайшего гуманизма соткана поэма «Остров женщины». Новые и новые глубины человечности поэта открываются каждый раз, когда вычитываешься в монолог-обращение автора к Колумбу: Гамзатов, сын XX века, обвиняет знаменитого мореплавателя и в том, что с его открытий взяли трагический разбег укрепления поселенцев, обман, жестокость, унижение «племен свободных, истребление их». И потрясающее обобщение поэта: «Святая инквизиция — праматерь грядущих разновидностей гестапо» (разрядка моя. — К. А.).

В поэмах-размышлениях «Последняя цена» и «Колесо жизни», как и в «Острове женщины», Гамзатов выходит за пределы извданного не только в плане географическом, но, что гораздо сложнее, — в философском.

Убедился поэт: ныне в мире все доступно купле, продаже и подмене. Гамзатов предупреждает: «К ракетам, не секрет, — в продаже части есть», но человечество не придумало еще запчастей к чести людской. Честь, полагает Гамзатов, последний предел, последний плацдарм, последняя крепость, которую мы не должны уступать, ибо за ней пропасть, бездна, мрак.

Камал АБУХОВ.
г. Махачкала.
Фото Дмитрия МАМЛЕЕВА.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ ПОЭТА

За камнем камень — в окна...
Не жалеют
Камней сегодня новые
вожди.

Болеет время наше.
Век болеет,
И злые не кончаются дожди.

Циничный лай, проклятия,
угрозы
Я слышу отовсюду вновь
и вновь.

Не знаю я — спаслась ли
от мороза
Жестоких чувств, жива ль
еще любовь!

Одни вороны, видимо,
остались

В сухих ветвях
моих последних дней.

Наверное, все голуби
попались
К охотникам, не стало
голубей.

Больны надежды,
с ними нынче плохо.

Две удалили, третья —
умерла...

И не понять мне, для чего
эпоха

Итог свой кровью жирно
подвела.

В Больнице

Листья в лужах, ветер в окна
бьется,

Голые деревья, тусклый
свет —

Не секрет, все меньше
остаётся

У меня друзей, все меньше
лет.

Подпираю голову руками,
Стонет дождь, и в стоне
том упрек,

Что весну, богатую цветами,
Я в дороге долгой не сберег.

Где они сегодня —
краски мая!

Будто рядом, кажется —
шагни...

А пойдешь — не сыщешь
и в Китае,

Далеко за даль ушли они.
Не догнать. Быстрее тает
время.

Как бы ни спешил за ними я...
За окном шатаются деревья,
Пьяные от горького дождя.

Время мстит
За преступленья
Прошлых лет.

Суд идет,
И судьи есть,
Но нет истца

И преступника
Давно на свете нет.
Спор идет,
Война идет,
И нет конца.

Время высекло в сердцах
Жестокий знак.
Не дает покоя Сталин
Снова нам.
Видим взгляд его,
И трубку, и табак...
Значит, нет
Ему покоя тоже
Там.

Победителей не будет.
Снова мстить
Станет время нам,
Поскольку суд не в том,
Чтоб надгробия
На кладбищах
Крушить
И могилы осквернять.
Не судят злом.

Смотрю в окошко. Она идет
по улице,
И каблучки постукивают
чинно.
Фигура, грудь, походка...
Залюбуется
красавицей такой
любой мужчина.

И я гляжу ей вслед,
и мне не верится,
что это просто женщина,
и странно,

Но каждый раз мне кажется,
что светится
Ее лицо, в котором нет
изъяна.

А как изящен черный локоп
с просинью.
И я в плену, но нет
желанной плена.
Как по коврику,
по желтым листьям осени
Она проходит, словно
королева.

Я сразу узнаю Ее Величество:
Расстегнут плащ, когда тепло
и ясно,
А если дождь, под зонтиком
коричневым
Идет Она, божественно
прекрасна.

Но мимо проходя,
вот наказание,
Она и днем погожим,
и в ненастье
Не обращает на меня
внимания
И на окно, распахнутое
настежь.

Спросить бы — кто Она,
да что-то колется,
Жена, опять же, бродит
рядом где-то,
И все же должен с Ней
я познакомиться,

Ведь сам Аллах велит мне
сделать это.

Написать бы книгу
сновидений,
В этом есть особенный
резон,
Ибо жизнь, хоть помню
каждый день я,
Для меня сегодня —
тот же сон.

Только сны не оживить
никак мне.
Почему же помню я тогда
Те дожди, что падали
на камни
В давний год, в моем
родном Цада!

А еще мне хочется порою,
Чтобы книга сказок вышла
в свет,
Ибо время, прожитое мною,
Тоже — вроде было,
вроде нет.

Мы уйдем, и сказки вслед
за нами.
Почему же в столь
жестокий век
Все стоят, стоят перед
глазами:
Горы, лань, охотник,
красный снег!

Перевод
Дмитрия ФИЛИМОНОВА.